

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В **INTERBRAIN**

ИНОГДА МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО В ИХ ДИАЛОГАХ Я ВСЕГО ЛИШЬ НАБЛЮДАТЕЛЬ

КОГДА ЧЕРТИ ЗЛЫ, ОНИ ПОСЫЛАЮТ КИНОМ

КАМИКАДЗЕ, ВЕТЕР В ТВОИХ
БОГ В ТВОИХ ЛАДОНЯХ

LIFE FM

ВОТ ТЕБЕ ТРИ КРЕСЛА, А МЫ ТЫ СТАЛ

#СТРАХА

ПРИЕЗЖАЙ, Я СПА

ШТОРМОВО

Я В РЮМ

ПОЭТИЧЕСКИЙ МЕДИАТЕАТР

КАМИЛЛА ЛЫСЕНКО

Камилла Лысенко

Поэтический медиатеатр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57188843

ISBN 9785005101624

Аннотация

«Поэтический медиатеатр» – это поиск нового жанра концертной поэзии. Здесь собрано то, что не показывают читателю: сценарии ключевых спектаклей медиапоэта Камиллы Лысенко, тексты стихов, режиссерские заметки и манифест поэтического медиатеатра. Но главное – три откровенные истории, которые рушат границу между зрителем и закулисем. Ведь в этом и заключается главная идея поэтического медиатеатра – дать зрителю полный доступ в голову автора, сохранив предельную, почти болезненную честность. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Поэтический медиатеатр	5
Вступление от автора	6
ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. ЛАКРИЦА И АВТОРИТЕТЫ	9
ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. ПУТЬ НА СЦЕНУ ЧЕРЕЗ БАНАНЫ И «СЛОВО ЗА СЛОВО»	17
ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. ТАК О ЧЕМ ХОТЕЛ СКАЗАТЬ АВТОР?	29
ПРИНЦИПЫ ПОЭТИЧЕСКОГО МЕДИАТЕАТРА	38
INTERBRAIN	40
Действие 1	41
Сцена 1	42
Сцена 2	48
Сцена 3	56
Сцена 4	63
Сцена 5	67
Сцена 6	69
Сцена 7	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Поэтический медиатеатр

Камилла Лысенко

Дизайнер Анастасия Олеговна Кузьменко

© Камилла Лысенко, 2020

ISBN 978-5-0051-0162-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Поэтический медиатеатр
Сценарии спектаклей
и история создания идеи**

Вступление от автора

Я так давно хотела это сделать.

Собрать все тексты спектаклей – и выложить скопом. Живущие только на сцене, они постоянно требовали внимания. Как дети или питомцы: создала, приручила – так ухаживай. А как ухаживать? Играть прошлые постановки – все равно что бесконечно одеваться в костюм, из которого вырос.

Я минимум трижды порывалась сделать это, и трижды меня отговаривали. Коллеги по цеху – мол, не выноси кухню. Директора и менеджеры – да ты что, кто придет на твои спектакли, если уже будет знать их наизусть?

Звучало логично.

Но в какой-то момент я перестала писать. Все идеи покрылись пылью, все казалось сказанным и ненужным. Не получалось не просто ни слова – мысли нащупать. Говорить стоит лишь тогда, когда веришь в сказанное. А у меня накопилось столько смыслов, что новым было некуда пристроиться. Я стала кладбищем собственных идей.

Этого не поймут менеджеры и организаторы. Перед лицом высохшего творчества ты голоден и слаб. И одновременно переполнен. Единственный способ выбраться из этого состояния – собрать все сделанное, прояснить все недосказанно-

сти и отпустить, наконец, на волю.

Я ни с кем не стала советоваться. Просто сделала эту книгу. Но сделала ее артефактом – миниатюрный печатный тираж для тех, кому действительно важно. И электронная версия без фанфар и реклам – для каждого, кто хотел бы узнать.

Здесь – режиссерские версии самых значимых поэтических медиаспектаклей. Сценарии, которые можно читать или ставить. Про себя или вслух. Я вырезала только лишние технические комментарии. В остатке – ось. Ровно то, что увидите в этой книге вы, я видела каждый день в период репетиций.

Но чего-то не хватало. Недосказанность оставалась. Голые скелеты спектаклей в тексте не передавали всей идеи поэтического медиатеатра. Ведь его смысл в том, чтобы открывать закулисы.

Откуда все пошло? Почему на сцене экран? Почему нельзя просто выйти и прочесть стихи? Поэт ведь не должен быть актером, режиссером или музыкантом. Поэт – тот, кто пишет стихи.

Так?

Не так. Для меня – не так, и это «не так» взялось не с потолка. У этого «не так» есть своя история – на самом деле, целых три.

Я позволила себе вольность еще больше срезать кулисы между автором и зрителем и рассказать три откровенные истории о том, откуда взялась идея поэтического медиатеатра. Они идут сразу после этого вступления, отменяя любые недомолвки и оставляя меня абсолютно голой.

Как в любых историях, в них есть, где закатить глаза, где улыбнуться и где подумать; однако если вы открыли эту книгу не в поисках точки отсчета, а с желанием увидеть результат, можете смело пролистать эту часть. Я хотела бы обратить ваше внимание только на одну простую формулу, которая объясняет, почему в поэзии нужны не только стихи. Может быть, иногда стихи и вовсе не нужны.

Вот эта формула:

Медиапоэзия = Medium (латин.) – посредник + Ποίησις – (poiesis, греч.) – создание, творчество.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. ЛАКРИЦА И АВТОРИТЕТЫ

Видите ли, когда я написала первый простенький стих в 14 лет, мне и в голову не могло прийти, до какого бардака он меня доведет.

В том стихе было ровным счетом три прихлопа на тему конечности нашего бытия. Честное слово, ничего интересного. Единственное театральное оформление, которое я могла бы для него предложить – перформанс с помидорами в руках потенциальных зрителей.

Но роль свою он сыграл: процесс слов во мне был запущен, и – к лучшему или нет – отменить его оказалось невозможным.

Спустя год я впервые вышла со стихами на сцену. Это был шикарный провинциальный ресторан «Москва» на – конечно же! – Московской улице. В каждом маленьком городе есть Московская улица, а на ней обязательно такой ресторан, где советское время играет в кости с девяностыми. И обязательно в таких ресторанах раз в полугодие проходит некое культурное мероприятие. Собираются местные небожители, заказывают коньяку и занимаются прилюдным искусством.

Мероприятие это не для людей, конечно же; оно для сво-

их, как и принято в литературных кругах. Впервые попадают туда по знакомству, а уходят – либо хлопнув дверью, либо крышкой гроба.

Меня, школьницу с ворохом листов, на это событие пригласил местный авторитет, с которым я столкнулась на какой-то конференции для юных и талантливых.

История этого знакомства совершенно пиратская: авторитет раскрыл мой мухляж с конкурсной работой по социологии. Ведомая ленью и пинаемая научным руководителем, я наклепала объемный труд по теме «Смыслоразнообразные ориентации современного человека», используя Интернет, фантазию и цитаты из десятка философских книг, которые к тому моменту, естественно, прочитать не удосужилась.

Какие философские труды в пятнадцать лет? Я была влюблена!

Тем не менее в рамках работы мухляжный список выглядел внушительно и уже принес мне несколько призовых мест на других конференциях. Думаю, секрет успеха был в том, что на самом деле никто из жюри так и не дочитал мою работу до конца.

Надо же было нарваться на педанта!

Одной из книг списка была «Бытие и время» Мартина Хайдеггера. Невозможно уже вспомнить, какую цитату я оттуда вытянула; но прямо за ней шло четверостишие из одного моего раннего текста.

Авторитет сначала обнаружил воровство цитаты, потом

убедился, что Хайдеггера я не читала, а после провала на голосовании моей работы подошел со словами: «Черт с ней, с социологией. Пойдемте читать стихи»

Я пошла.

Ресторан был пряничным, глазурным, купеческим; с высоченными потолками, лепниной, с бархатными стульями на советском паркете, с сиротливой угловой сценой под тяжелыми занавесками. Там много курили, и курили затейливо: пряный вишневый табак или сигариллы, нелепые в атмосфере полупустых столов и плохо выглаженных рубашек. Все пили. Мужчины – крепкое, женщины – вино. Все громко разговаривали – все на «Вы» и каждый про свое.

Один начинал: «А знаете ли Вы, что Пушкин в Ваши годы уже...» Второй цеплялся за Пушкина, как за якорь: «Традиционалисты вроде Вас развалили эту страну!» Включалась дама: «Про страну говорят только те, кому не дают женщины».

Смысла в этой беседе плескалось не больше, чем коньяка в бокале, но все были чудовищно удовлетворены.

Я мотыльком шарахалась по залу минут двадцать, пока меня не подобрал Авторитет и не посадил к одному из столиков. Там уже обитал тучный мужчина с киевской котлетой на тарелке. Его галстук был перекинут через плечо, а рядом с котлетой лежала куцая самиздатовская книга с разводами

на обложке.

Авторитет пояснил мне, что это «большой поэт Иваныч» и что сейчас еще подойдет «особенная поэтесса с компанией». Предупредил, чтобы я не глазела. И растворился в зале.

Скажи человеку в одном предложении «особенная» и «не глазеть». Конечно же, я вертела головой, словно сова.

Вечер начался с тем же пряничным пафосом, но с каждой минутой все больше отдавал плесенью. Поэтов объявлял Авторитет, про каждого отпуская хотя бы по одному хвалебному определению. Поэты выходили к микрофону, протирали лысину или очки, встряхивали листами или шуршали книгами, поправляли платья или ремень. А после читали. Про женщин и мужчин, про патриотизм и березки, про кракена, кормящего молоком сына Зевса, или про пришествие Христа в пивной бар. Я ни черта не понимала в поэзии, но врожденный бредометр подсказывал, что это какая-то фигня. И к тому же бесконечная: каждый новый выступающий читал ровно с теми же интонациями, что и предыдущий, словно их всех спустили в семидесятых с конвейера одного поэтического завода.

Я была в ужасе. Это было критически скучно. Честно говоря, на этом поэтическом вечере все могло и закончиться.

Когда наступит моя очередь, я не знала, поэтому просто сидела, комкая листы и наблюдая, как мужчина напротив тщательно допиливает сантиметровый кусочек котлеты.

Котлета просила скорейшей смерти, душа просила скорейшего побега, вечер требовал скорейшего конца или новой крови. Выхода не было. Надо было просто выступить и уйти.

Вот тут-то и появилась особенная.

На самом деле, сначала появился запах. Я очень четко запомнила его: лакрица. Так пахли конфеты, привезенные мамой из Парижа – единственные конфеты в моей жизни, которые я так и не смогла съесть, несмотря на восхитительный запах. После прошуршала юбка, а за ней проскрипели по очереди отодвигаемые стулья, мягко звякнули два бокала – с вином и коньяком. По диагонали присела молодая женщина в эффектном платье, и от нее сквозило презрением даже через парфюм. Напротив села особенная.

Она пила коньяк. Единственная из всех женщин в зале. Простая белая рубашка, черные джинсы, никаких претензий на пошлую прилизанность в образе. Манжеты пиратски загнуты, руки тонкие, мальчишеские.

Ее спутница первым делом взяла в руки бокал вина. Она первым делом взяла руку своей спутницы.

Я так и осталась сидеть, вклеившись взглядом в их переплетенные пальцы. Вечер вокруг все так же катился к черту. А я сидела и гладела на них. Для меня в этом простом жесте оказалось больше поэзии, чем во всех стихах, написанных присутствующими за всю их жизнь.

Дело было даже не в том, что я видела такое впервые. Де-

ло было в том, что я знала, что подобное – табу. Что это, наверное, стыдно, что это, кажется, порицается.

Но – вот странность! – к нашему столику просто паломничество началось из поэтов, преимущественно мужчин, которые подходили засвидетельствовать свое почтение этой странной женщине. Каждый говорил с ней так, словно очень надеялся на развернутый, персональный ответ. Она отвечала всем с одинаковым ровным достоинством. И продолжала держать чужую руку.

Я молча мяла скатерть. Про такое не показывали кино, об этом не говорили спокойными голосами и не упоминали в школьных кабинетах. Об этом, скорее, стыдно шутили в коридорах и за гаражами. Я знала в себе зародыш подобного чувства. Но никогда не видела своими глазами, чтобы женщина спокойно брала за руку другую женщину, а в нее не бросали камни или оскорбления; более того – ее определенно уважали. Возможно, больше, чем кого-либо в этом зале.

Когда она вышла на сцену, я поняла, почему. Ее тексты были прекрасны сами по себе, но в ее исполнении они просто выворачивали пространство. Осыпалась лепнина, слезла позолота с кресел; деревянные столы превратились в тяжелые бревна, качающиеся на волнах ее голоса. Она читала стихи, как заклинания, и вместо пошлого вишневого табака в зале запахло костром и лесом, лакрицей и металлом. Она лязгала, громыкала, звенела, укачивала, убаюкивала словами. Все

растворилось в слове; и она сама растворилась, превратилась из «она» в нечто всеполюе, медиязыковое, огромное. Не было ее, не было его, было то самое, что говорит в человеке еще до его рождения, и оно имеет только один критерий – либо оно настоящее, либо оно притворяется. Это было настоящее.

Я в тот момент поняла две вещи, и в них ни разу более не сомневалась. Во-первых: пол не имеет никакого значения; значение имеет суть. Во-вторых: мало писать хорошие стихи и как-то их подавать; надо писать максимальные стихи и исполнять их так, как будто каждый текст – это отдельный мир.

Ей аплодировали громко. Настолько, что своего имени я не услышала. Она сама подсказала мне, что наступила моя очередь.

Я не помню, как читала и что. Выступать после нее было все равно что ходить по пожарищу.

Видимо, на волне адреналина я выступила неплохо. Настолько, что в конце вечера она ко мне обратилась.

Она сказала: то, что ты пишешь, станет лучше. Ты не заметишь, как это будет происходить. Но то, что ты исполняешь – это не то, что ты пишешь. Поэтому работай над этим отдельно.

Я так испугалась, что спросила только одно: мы еще увидимся?

Она посмеялась и заверила, что однажды обязательно придет на мой концерт.

Больше я ее не видела. Только в декабре девятнадцатого года через сорок третьи руки узнала, что она сдержала слово и действительно приходила на мой спектакль в Саратове в 2016 году. Это был INTERBRAIN, один из текстов которого посвящен ей.

Я пыталась найти ее хотя бы на фотографиях, но так и не смогла.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. ПУТЬ НА СЦЕНУ ЧЕРЕЗ БАНАНЫ И «СЛОВО ЗА СЛОВО»

Все, чего я хотела после переезда в Москву – надышаться этим городом.

Гулять по бульварам, целоваться в переулках, вдыхать обратительный яблочный дым и узнать, наконец, почему всем так нравится быть взрослыми. Никакой поэзии в моем плане не стояло.

Но у поэзии было свое мнение.

Поэзия стучалась по ночам в вордовские файлы, куда я обильно сливала свои девичьи переживания по поводу конца первой любви и громоздкие философии о несовершенстве мира.

Поэзия стучалась ко мне через случайных людей, доносивших редкие слухи о том, что есть такой вот Арс-Пегас, читающий стихи многотысячной толпе на митингах. Или какие-то там члены Союза Писателей, которые делают какие-то премии.

Поэзия стучалась упорно, мешая жить по-студенчески, мечтать о хорошей журналистской карьере и довольствоваться скухими эмоциями.

Я закрывала глаза и уши, писала «в стол» и не допускала

мысли о том, что все это ко мне может относиться. Я работала в ЦУМе, клепала ужасные сценарии и собирала съемочный кран из трехметровых профилей, двух кирпичей и гаечного ключа. В конце концов, я была почти взрослой и строила личную жизнь. Вечерами покупала отвратительное ягодное вино, у которого из плюсов были только сахар и цена, и шла постигать туркменскую кухню в главную общагу МГУ.

А ночью моя «личная жизнь» засыпала, а вот демоны – наоборот просили выгуляться. В соседней комнате замолкала сербская попса, и я шла гулять по Главному Зданию МГУ.

Днем университет – город в городе, где можно найти все – от цветочного магазина до маникюрного салона. Некоторые персонажи месяцами не выходят из здания, заявляясь в тапках даже на лекции. В мраморных коридорах стоит многоликий гул, в котором и своего имени не различишь – не то что мыслей.

Но после одиннадцати ГЗ из улья превращается в усыпальницу. Свет выключают, большинство коридоров перекрывают резными сталинскими решетками. Пропускной кодекс не котирует даже студенческий билет; действителен только бланк общежития. Университет становится убежищем, по-советски строгим и режимным.

Надо знать маршруты. Тогда можно долго гулять этажами, перепрыгивая с лифта на лифт, из корпуса в корпус. Можно добраться до крыши – что строжайше запрещено, конечно.

но, и требует определенных знакомств в службе безопасности – и своими глазами увидеть, насколько огромен циферблат главных часов. Можно выйти курить и любоваться яблонями в закрытый двор. Можно петлять коридорами час и не встретить ни одного человека, зато натолкнуться, например, на пустую гостиную с зелеными лампами и кожаными креслами пятидесятых годов.

Не было ни времени, ни правил в этих коридорах. Тебя никто не слышал – или так только казалось. В любом случае, я во время таких прогулок вслух читала стихи. Иногда сочиняла их прямо на ходу, проговаривая все, что не имело места в моей такой устроенной «взрослой» жизни.

Стихи – это же психотерапия для нищих и молитва для разочарованных. Сложил в строку все, что не дает спать – и можно встречать новый день. Ценности в таком тексте для мира немного; но для тебя только он и имеет ценность.

Я редко что-то записывала – просто наговаривала в пространство и смотрела, как отзывается в стенах звук.

Общага жила и реагировала живо. Посреди строки вдруг могла распахнуться чужая дверь, а из нее вывалиться парень в трениках, танцующий в сторону ночного буфета. Могли зажечься аварийные огни на лестнице, совпав с эффектным тактом в тексте. В погасшем мраморе коридоров стих мог столкнуться с тихим гитарным перебором – не я одна лю-

била ночные прогулки. Из простого текста в живых этажах ГЗ получался целый бытовой спектакль, который рождался в импровизации и в ней же одновременно умирал.

Я стала замечать, что стих как текст весит меньше, чем стих, который продолжается в реальности. Одна и та же строка, сказанная разным тоном в разных коридорах, меняла оттенки кардинально.

Тогда я не фиксировала это – просто наблюдала. Ночная сцена заканчивалась с возвращением в комнату; других подмоштов у меня не было. Пока однажды я не набрела на ту самую гостиную с кожаными креслами. И не нашла афишу с приглашением прийти на литературный вечер.

Знатно рассорившись с «личной жизнью», я плюнула на взрослость и пошла.

Не стоит описывать еще одни поэтические посиделки – в них было мало нового. Главным отличием – в моем случае очень важным – был только банан. Каждому пришедшему выдавали по банану; его необходимо было вручить понравившемуся автору после чтений. Поэтому нет ничего необычного в том, что наше знакомство с Иваном Фефеловым началось с того, что он вручил мне свой банан.

(Никогда бы не подумала, что банан может стать моим пропуском в концертную поэзию. Даже если это банан Фефелова)

Видимо, где-то Ваня обо мне рассказал, потому что очень скоро стали писать какие-то люди и приглашать выступить со стихами. На первом же таком выступлении в кофейне «Чайкофский» на Чистых прудах я столкнулась с восходящей Ах Астаховой. Иру попросили прочесть вне программы и, кажется, завистливо уважали. Тогда я запомнила из ее выступления только свитер с красными цветами. Дело в том, что рядом в тот момент сидела моя новая большая любовь и очень увлекательно курила.

Но дальше об Астаховой слышалось все чаще – с каждым новым мероприятием я узнавала о своеобразной иерархии сетевой и концертной поэзии. Она размыта и субъективна, как и положено любой сфере в 21 веке, поэтому не стоит опираться на нее слишком сильно: возможно, рухнет под весом времени. Но в моем опыте она сложилась так.

Кармической валютой была аудитория, то есть – люди на концертах и в пабliках. Выше всех, конечно, Полозкова, Воденников, Быков; на хромой козе не доедешь. Дальше – Астахова и Сола Монова. Потом – пул поэтов-сетевиков: участники «Бабушки Пушкина», первые интернет-звезды, организаторы топовых мероприятий и их завсегдатаи. Существовала и своя пирамида событий: на вершине стояли крупные сольные концерты, а из «винегретов» лидировали ЛитПон и «Слово за слово».

Сознательно не вношу сюда «классическую» группу литераторов. Все, что творится за бархатными дверями Союза Писателей, до сих пор остается для меня мифом.

Практически везде концертная поэзия останавливалась на формате «вышел к микрофону и прочел». Изредка кто-то брал гитару или даже заморачивался с фортепиано. Моноспектакли, перфомансы – все это только витало в воздухе, но практически не существовало. И конечно же – чем меньше было мероприятие, тем хуже люди там исполняли стихи.

Но если большинство мероприятий предлагали «просто выступить», то «Слово за слово» создавалось как настоящая поэтическая дуэль. И у нее были свои жесткие правила и жесткие зрители, от чьих аплодисментов зависело, место тебе на сцене или с разбавленным вискарем у бара.

Я честно пыталась вспомнить, как именно случилось так, что мы с Ваней Купреяновым замыслили делать телеканал, а вместо этого я оказалась режиссером-постановщиком в «Слово за слово». Не помню. Вероятнее всего, решение было принято в баре «Федор» на Китай-городе, куда мы тогда приходили, как на работу; а все принятое в «Федоре» всегда имеет интересный эффект. Уверена только в одном: мы хотели снимать каждый выпуск с перспективой размещать потом на канале, а для этого проект надо было «отелевизионить». Я предложила делать дуэли тематическими и снимать

видеостихи на минуту для каждого поэта вместо первого раунда.

Команда проекта согласилась. Денег на студию ни у кого не было. Поэтому скоро в мой дом началось паломничество из всех возможных современных поэтов 2013 года.

Страшно подумать, как это выглядело в глазах моих соседей. Возможно, с той поры некоторые со мной и не здороваются.

Еженедельно – обычно в четверг – в квартирку к одинокой девушке на самом верхнем этаже приходило по четыре странных человека минимум. Некоторые приводили с собой возлюбленных или сочувствующих. На лестничной клетке курили философские бородатые лица, татуированные молодые львицы с тонкими пальцами или громкие персонажи в кричащих майках. Ярко обсуждали политику и литературу, красиво матерились, вежливо отвечали на вопросы. Выглядели образованными, но ненадежными. Соседка из пятидесяти девятой дважды спрашивала, где мои родители.

Из самой квартиры периодически доносились странные звуки – чаще всего команды «Стой ровно!», «Говори громче!» и досадное «В хронометраж не лезет». Иногда мычание и что-то вроде заклинаний – мы разрабатывали голос по всем общедоступным актерским техникам. Звенели бокалы, беспрерывно шумел чайник; периодически кто-то добирался до гитары.

Внутри было гораздо интереснее. Гостиная была превращена в съемочный павильон путем перестановки дивана к дивану. Роль студийного света играла разваливающаяся настольная лампа. На кухне сформировался зал ожидания; особо высокие поэты подпирали плечами холодильник и постоянно роняли магнетики. Все читали стихи, гримировались, переодевались; кое-кто пытался из спортивного интереса закадрить хозяйку квартиры.

Иногда это доходило до абсурда: однажды очередной стихоплет, у которого дуэль выпала на «бандитскую» тему, принялся отжиматься прямо в коридоре, чтобы «в кадре были видны все мышцы». Я честно дождалась конца физических упражнений и сообщила, что стриптиз с бандитами не сочетается, поэтому рубашку придется надеть обратно. Ваня, находившийся в тот момент в кухне, хрюкнул смешком в чай.

Каждую среду я убегала с работы, надевала одно из «выгульных» платьев, сверху экипировалась огромным рюкзаком с компьютером, отчего становилась похожей на праздничную улитку, и ехала в клуб «Завтра» на дуэль.

«Слово за слово» имело сложную схему из восьмых, четвертых, полуфинала и финала. В каждом концерте было по четыре поэта. В первом раунде они демонстрировали снятое видео – визитный стих. Во втором – попарно стрелялись стихами.

У каждого было по три «выстрела»: необходимо было

не просто читать рандомные тексты, а ответить сопернику, зацепившись за тему или слово в его произведении. После второго раунда зрители аплодисментами выбирали победителя.

Два финалиста в третьем раунде должны были за несколько минут написать короткий стих из строчки, которую даст зал. Так как зал не был ласков, строчки попадались заковыристые. Например, на одной дуэли Арс-Пегас предложил начать текст с фразы «Я, зацелованный моржом...»

Во второй части сезона выпало выступить мне. Дуэль с моим участием изначально задумывалась как «особенная». Ее тему Ваня игриво сформулировал как «девушки с цветавеской ноткой». Уже по внешнему виду всех участниц (исключая, как обычно, меня) было понятно, что тема женской любви будет подана с необычной стороны.

Несмотря на то, что я уже «срежиссировала» серию таких дуэлей, самой выступать было страшно.

Мне в соперницы досталась точеная земфиоровская Евгения. Евгения с интеллигентным узлом шарфа на шее и родинкой-точкой над верхней губой. С паточным голосом и живой подачей. С безразмерными стихами, надрывными и страстными, с жарким «перлом» в каждой второй строке. Удивительно похожая на ту особенную, с первого концерта. И полностью противоположная мне – как визуально, так и текстово.

Наверное, этим мы и зацепились – непохожестью.

Есть такие моменты – черные лебеди, которых никто не ожидает.

Обычно зал легко выбирал фаворита в дуэли и реагировал живо, но без фанатизма, активизируясь только в конце перестрелки и оставляя для самих стихов вежливые аплодисменты.

Во время нашей дуэли, больше похожей на брачные игры в рифму, зал в буквальном смысле орал после каждого выстрела. Ни разу в жизни я больше не слышала такой реакции на чьи-либо стихи – тем более на свои. До сих пор в Ютубе есть размытое видео, на котором децибелы зашкаливают сразу после финальной строки. Даже в таком ужасном качестве видно, что сцена не просто искрит – светится радиацией.

Увидеть дуэль своими глазами – <https://clck.ru/MpMSs>

Стоя перед звуковой волной я понимала, что вот в такой поэзии есть смысл. Когда стихи не умирают в бумаге, а превращаются в разговор, в театр, в живой фильм, в отдельный мир, в ментальный секс под софитами. Когда они вызывают эмоцию гораздо сильнее, чем способен в клиповом мире просто текст. А для этого помимо хорошего текста должно быть что-то, что в реальности усиливает его многократно; некая лупа, ластик, стирающий грань между автором и зрителем.

У людей большие сердца, но они все сильнее забиты быстрыми эмоциями. Поэзия – не для ленивых; она заставляет думать и чувствовать, но требует предельной концентрации. Чем больше вокруг человека информации, тем сложнее ему эту концентрацию сохранять. Только сильная эмоция может стать достаточной мотивацией для сохранения концентрации.

Можно, конечно, воротить нос и играть в «элитарность»; это тоже путь, и он вполне понятен. Но тогда будь наедине со своими текстами и не проси у людей слушать тебя. Потому что время изменилось. Раньше было достаточно писать, чтобы твои слова доходили до людей. Теперь их необходимо доносить на сотне языков помимо текста. Голосом, телом, историей, постановкой, перформансом, музыкой, видео – чем угодно; но так, чтобы стих максимально совпал с пульсом тех, до кого он донесется.

Я понятия не имела, как это сделать. Но тогда, на дуэли, это получилось случайно.

Выбрать зал не смог. В финальный раунд мы вышли обе. А после дуэли Женя подошла ко мне и предложила сделать совместный спектакль. И познакомила со своим «секундантом» – Анной Крыловой.

Спустя два месяца Женя пропала из моей жизни навсегда. А вот Аня превратилась в моего директора и осталась рядом на самые важные пять лет, когда из всех обломков опыта сложились два слова – поэтический медиатеатр.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. ТАК О ЧЕМ ХОТЕЛ СКАЗАТЬ АВТОР?

С приходом к власти Инстаграма и треш-культуры интерес к чистой поэзии стал увядать.

Проект «Слово за слово» умер вместе с 2013 годом. Мне потребовалось еще полтора года непрерывного хождения по поэтическим солянкам, чтобы понять – больше тут делать нечего.

Каждый новый сборный концерт погибал в середине. Залы редели: если раньше на поэтов ходили сначала читатели, потом друзья поэтов, то теперь кроме них самих концерты слушали только совсем уже залетные зрители. В стабильном эфире держалось всего несколько проектов. Любой новый массово повторял ошибки предыдущих.

Все те же люди выходили все с теми же листами и все так же ужасно исполняли свои тексты.

Нет ничего хуже, чем видеть, как хороший стих гибнет в плохом исполнении, а дурная, но залихватская «История одного презерватива» собирает смешки и аплодисменты.

Но что тогда делать?

Я начала исследовать психологию зрителей и возможно-

сти цифрового века. И пытаться измерить пульс явлению «современная поэзия»; пациент жив, мертв или уже музейный экспонат, уважаемый, но бесполезный?

Диагноз вышел таким: жив, но пылен.

Чистая поэзия – камерный вид искусства. Кухонный, под виски с другом. Причально-мостовой, под ночное небо в Крыму. Но не стадионный. В век, когда есть Голливуд, компьютерные игры и соцсети, чистая поэзия больше не сможет собирать десятки тысяч людей. Не потому что стихи стали хуже; просто сознание изменилось.

У человека есть две цели в жизни – продлевать свое время и занимать его. Продление – это спать, есть, размножаться. И работать – чтобы было, где и на что все это делать.

С занятием времени интереснее: каждый новый век предлагает все больше способов потратить жизненное время. Чем меньше времени тратится на выживание, тем больше времени занимают развлечения.

От наскальной живописи и мычания у костра – к художественным галереям и рок-концертам; от песен менестреля и летописей – до электронных книг и виртуальной реальности. К уже существующим способам занять время постоянно добавляются новые. Эти способы ярче и проще. Их удобнее использовать и быстрее получить. В них иногда даже не надо думать.

Ассортимент порождает возможность выбора. В резуль-

тате практически в любой сфере формируется принцип ценности. Субботним вечером один пойдет на винную дегустацию, второй – на техно-диско, третий засядет в шутер, четвертый залипнет в соцсети.

Как много людей проводит субботний вечер за чтением стихов?

Будем честны – немного. Но они есть. Главное свойство поэзии – попадать в тонкие перегородки между бытом и чувством.

Но сознание даже самого преданного любителя поэзии меняется под темпом времени. Вызвать читателя на диалог становится все труднее. Как переместить человека в атмосферу стихотворения, если в мире существуют компьютерные игры?

Только расширить мир стиха.

Помните этот ужасный вопрос из детства – «Что нам хотел сказать автор этим стихотворением?» В школе у тебя нет выбора, что читать и кого считать гением. Ты изучаешь тексты тех, кого пометили в программе.

В реальной взрослой жизни ты волен выбирать, на что тратить свое время. И волен выбирать свое отношение к прочитанному. Но многие ли смотрят глубже написанной строки?

Самое интересное в книгах – это ссылки. Передаю привет всем школьным учителям, уверенным в непреложности методичек министерства образования. И хочу заметить, что, возможно, большинством из них полезнее было бы подпи- рать ножку стула.

Нет, ты не понял, что там хотел сказать автор. Даже если ты семи пядей во лбу. Даже если ты учитель литературы. Да- же если «вот точно, как я думал». Нет, ты не понял, что хотел сказать автор. Автор хотел сказать именно то, что он сказал. Именно так, как ему это привиделось. Но прежде у автора в жизни случилось что-то, что вынудило его написать имен- но этот текст и именно так, как он написан.

Нас учат ощущениям со школьной скамьи. Перескажите своими словами, что имел ввиду Пушкин в третьей строфе «Евгения Онегина»... Подумайте на досуге над стихотворе- нием Бродского... Думать – это хорошо. Это великолепно – учить детей думать. Если бы это еще работало, конечно.

Есть одна заковырка, которую замечаешь, только начав создавать что-то свое.

У поэзии – как и у любого творчества – есть минимум три слоя. Первый – откуда все пришло. Второй – что из этого получилось. Третий – что в этом увидели.

Со вторым слоем все просто: это текст, песня, видео – сло-

вом, в некой мере законченный мыслительный продукт. Он вполне самостоятелен. Его можно почитать, посмотреть или ощутить уже отдельно от автора.

И в этом заключается подвох третьего слоя.

Все, что читатель себе наощущал, является только собственностью читателя. И никак не автора. Третий слой функционирует отдельно от автора и его контролю практически не поддается. Каждый читатель притрагивается к тексту со своими отпечатками пальцев, со своим опытом и разумом. Там, где один видит любовную историю, второй считает расовую войну. А сам текст был, например, про кофе с молоком.

Максимально прочувствовать то, что сказал автор, можно лишь зная предысторию его создания. Зная тот самый загадочный первый слой.

Первый слой. Кто-то возводит его в ранг «таинства», откровения свыше, полета вдохновения. Это верно, конечно. Иногда.

Но большинство поэтов знают, что на самом деле в начале многих стихов не вселенское откровение, а какая-нибудь мелочь, часто даже раздражающая. Тебе в дверь позвонили сектанты, а ты спустя полчаса написал текст про бомжа и милосердие, например.

Первый слой – это кулисы, в которых ведро приобретает статус реквизита и становится тронem. Читатель не видит

ведра; ведро для него уже в роли персонажа пьесы. И – фокус! – его собственной. Поэтому часто смысл текста, заложенный автором, и восприятие читателя отличаются вплоть до полной антитезы.

Не все тексты требуют того, чтобы их закулисье раскрывалось читателю. На самом деле, таких немного. Большинство замечательно существуют сами по себе. Люди читают стихи не для того, чтобы понять, что хотел сказать автор; они читают их, чтобы услышать там что-то свое.

Поэзия всегда казалась мне немного похожей на китайские печенки с предсказаниями – свой смысл докручивает тот, кто ест печенку.

Но есть тексты, которым предыстория необходима, чтобы быть правильно понятыми или обрести полную силу во время исполнения. Это стихи без компромиссов, слишком остро отражающие что-то важное, чтобы позволить себе быть трактованными неверно. Именно в таких чаще всего и скрывается большая подковерная история, именно они и просят перейти в новые формы – видео, трека, спектакля или чего-то еще.

Стихи не начинаются с первой буквы и не заканчиваются на точке. Чаще всего об этом известно только автору.

А что если сломать границу между автором и читателем? Что если рассказать предысторию и послесловие некоторых

особенных стихов? Или лучше – показать ее так, как это позволяет делать 21 век?

Из этого простого допущения и родилась идея сначала интерактивной книги поэзии, а после – поэтического медиатеатра. Этот же принцип продолжился в альбоме «Камикадзе» и во всех клипах. Стихи обрели предысторию, намекающую на корни их создания, и послесловие в любом интерактивном формате. Их мир расширился.

А я нашла для себя способ воплощения стихов, который, как мне кажется, максимально позволяет не только встроить поэзию в быстрый цифровой век, но и использовать все его возможности для расширения мира стиха.

Все это – упавший кирпич идеи, ставшей началом текста, и сам текст, и спектакль, поставленный на основе стиха – все это вместе называется медиапоэзией.

Слово родилось не с первой попытки; сначала мы с Эн понятия не имели, как назвать то, что творим. Пришлось покопаться в старинных терминах.

Медиум – проводник. Поэзис – создание, творчество. Театр – зрелище, увиденное.

То есть поэтический медиатеатр – это творчество, донесенное посредством любого подходящего проводника и увиденное зрителем.

Вот и вся история – в схематичных мазках. Я бы могла многое рассказать об этих беспокойных годах, когда мы оббивали все углы и сбивали кулаки. Но это не мои мемуары, слава богам. Надеюсь, моя жизнь и в дальнейшем будет настолько насыщенной, чтобы на мемуары в ней времени не хватало.

Это три истории про возникновение идеи, в которую я верю все эти годы. И которую хотела бы продолжить в других. Медиapoэзия – это просто эволюция поэзии в условиях необходимости 21 века. Наверняка множество людей параллельно приходили к подобным выводам. Может быть, эта книга поможет им найти какой-то новый медиум для их стихов. Или читателям – чуть лучше понять, с чего все началось.

В любом случае, я просто хочу, чтобы поэтический медиатеатр рос и продолжался в других. Поэтому я разрешаю использовать любые тексты из этой книги, ставить их или воплощать любым другим способом, но при двух условиях: будет указано имя автора текстов и будут соблюдены принципы поэтического медиатеатра.

Осталось только перечислить эти принципы, пока разбросанные воспоминаниями в трех историях. И перейти к самим спектаклям.

В этой книге собраны самые правдивые, рабочие, режиссерские версии. В некоторых спектаклях стихотворные тек-

сты повторялись; такие я размещаю один раз и в дальнейшем помечаю звездочкой. Отрывки или даже полные версии некоторых спектаклей можно увидеть в Сети. Просто используйте QR-код и ссылки, размещенные в тексте.

Приятного путешествия.

К.Л.

ПРИНЦИПЫ ПОЭТИЧЕСКОГО МЕДИАТЕАТРА

1. Поэтический медиатеатр может быть синтезом любых видов искусств – живописи, танца, театра, видео, музыки, перформанса или чего угодно. Неизменной остается только поэзия – как основа, вокруг которой объединяются эти искусства.

2. Поэтический медиатеатр свободен от расовых, сексуальных, гендерных, религиозных или других стереотипов. Он не приемлет никакой дискриминации и призван стать призмой, в которой может отразиться любое видение мира.

3. На сцене поэтического медиатеатра всегда находится не актер, а автор. Это позволяет максимально точно передать первоисточник произведения и максимально полно раскрыть его зрителю.

4. Автор поэтического медиатеатра свободен от понятий «пол», «возраст», «раса», «религия» или любых других, способных придать ему окраску какой-либо конкретной характеристики. Автор может говорить от любого лица и должен оставаться воплощением любой идеи.

5. Цель поэтического медиатеатра – стереть границу между автором и читателем, автором и зрителем, автором и слушателем. Поэтический медиатеатр – это прямой пропуск в голову автора.

6. Цель поэтического медиатеатра – максимально воссоздать реальность стиха вместе с историей его написания. Все произведения искусства, призванные дополнить реальность стиха, создаются самим автором или при его прямом участии.

7. Поэтический медиатеатр не имеет одной площадки, не привязан к материальному миру и может случиться в любом месте, в любое время и любым способом, если это соответствует идее воплощения поэзии.

INTERBRAIN

**(поэтический медиаспектакль
о человеке, запертом
внутри своего разума)**

Этот спектакль можно посмотреть полностью тут: <https://clck.ru/MpMSs>

Действие 1

Сцена 1

На сцене – стул, на котором сидит связанный проводами по рукам и ногам человек. Позади него – экран: справа от него – множество старых советских папок с фотографиями. Одна из папок также лежит на стуле под героем.

Экран позади героя загорается белым. Резкий звук захлопнутой двери. Звук поворачивающегося в замке ключа. На экране – субъективная камера: взгляд человека, выходящего из подъезда и в волнении идущего по улице. Быстрые смены углов зрения, сбитое дыхание, бег; картинка дрожит, это практически handycam. Он доходит до дороги, он видит нужный ему дом; он не смотрит по сторонам, он переходит дорогу. Совсем близко шорох приближающихся шин, автомобильный гудок, визг тормозов, звук удара.

Картинка меркнет мгновенно.

Несколько секунд – тишина.

Потом из нее начинают проступать звуки.

Чей-то диалог. Звук колес каталки. Хлопанье дверей.

Приказы врача.

Снова все стихает.

Из линии – щелочки глаз – раскрывается картинка. Он открыл глаза. Он смотрит на свою палату неподвижным взглядом. Картинка статична. Голос врача: «Пока состоя-

ние стабильное. Сейчас важно, чтобы не было никаких движений. Никаких движений. Полный покой»

Полный покой.

Звук голоса врача «уходит» по коридору вместе со звуком шагов. Секундная тишина. Слышно только дыхание пациента. Дыхание замирает.

ГЕРОЙ: Так, ладно.

Резко загорается свет. Раздается резкий звук «тревоги», который переходит в сигнализацию. Герой пытается встать и падает, связанный. Картинка с больницей сзади него так и висит на экране.

ГЕРОЙ: Так, ладно. Так. Так. Ни черта не так! Все не так! Как вообще это могло произойти? Так. Так! Мне нужно успокоиться! СТОП!

Звуки замолкают. Герой лежит неподвижно, прислушиваясь к тишине, потом медленно опускает связанные руки.

ГЕРОЙ: *(отстраненно, не в себе)* Успокоиться... Он сказал, что мне нужен полный покой. Успокоиться. Он сказал – состояние стабильное. Полный покой. Никаких движений. Я не могу двигаться. *(тон меняется сначала на задумчивый, потом на агрессивный, набирающий обороты)* Как я могу

успокоиться, если я не могу двигаться?

Пауза. Герой изучает свои связанные руки и ноги. Узлы не поддаются.

ГЕРОЙ: Что со мной? Что со мной произошло? Я помню дорогу. Я помню это, да. Значит, меня сбила машина. И сейчас я не могу двигаться. Я даже не знаю, что со мной произошло. Я даже не могу посмотреть на себя.

Пауза.

ГЕРОЙ: Почему это произошло со мной? Почему именно я, Господи? Я же вроде не самый плохой человек. Я никого не убивал. Не делал никому зла. По крайней мере, больше, чем другие. Я даже в милиции ни разу не был. Так почему я?

Пауза. Герой снова обхватывает голову руками.

ГЕРОЙ: Аааа... Черт возьми, господи! (пауза, смешок) Я бы рассмеялся, если бы мог. Я бы ржал в голос. Я как та собака – все понимаю, но сказать не могу. Ничего не могу. Даже пошевелить рукой. Даже вызвать чертову медсестру, чтобы она включила чертов телевизор!

Пауза.

ГЕРОЙ: По крайней мере, я могу думать. Этого мне никто не запретит. Я могу думать. Я хочу понять. Почему... Почему именно я?

Герой привстает, садясь лицом к зрителю по-турецки. Он закрывает глаза и выставляет перед собой руки, будто собирается играть на пианино или печатать.

ГЕРОЙ: Так, ладно. Так, ладно. Так.

Раздается звук включения виндоус. Картинка больничной палаты на экране позади него идет рябью и становится фоновым рисунком рабочего стола.

Герой открывает глаза и впервые смотрит в зал.

ГЕРОЙ: Я вижу вас. Если вы здесь, значит, вы тоже в моей голове. Вы всего лишь часть меня. А я – часть вас. Мы тут все – одно целое. Сложный механизм с повреждениями в области памяти и сердца. У нас всех одни и те же проблемы. Если вы – часть меня, то я могу говорить свободно. Ничего не стесняться. Так ведь? Впрочем, это неважно. Я не знаю, кто вы. Я не знаю собственного имени. Я даже не знаю собственный пол. Я даже не могу посмотреть, представляете? Впрочем, и это не имеет значения.

Вопросы пола лишены вопроса,
Когда помимо зеркала вокруг
Ни одного лица. Ты неопознан.
Ты просто звук, парящий на ветру.
И я могу быть женщиной, мужчиной,
Ребенком, андрогином... Я кобель,
Я сука, я последствие, причина
Я ток, замкнувший круг в самом себе!
В начале, в безсистемье, в сердцевине
Любого мира – там, где потолок,
Не важно, кто ты: женщина, мужчина...
Я точно знаю: был бесполом бог.
Я человек без потолка и пола.
Я бытие и смысл бытия.
Я гол душой, и я останусь голым.
Без имени, без терминов.
Лишь я.

Пауза. Герой оглядывает лица и усмехается.

ГЕРОЙ: Ну вы же понимаете. (*серьезно, быстро*) Я собираюсь попутешествовать. И вы со мной, конечно же. У нас есть время – много времени, судя по всему. Никаких движений. Абсолютный покой... (*смешок*) Я хочу понять. Почему. Именно. Я.

Герой закрывает глаза, погружаясь в себя.

Сцена 2

На экране – рабочий стол. На рабочем столе есть всего несколько иконок (папок), которые по большей части относятся к телу героя – «Пищеварительная система», «Нервная система», «Зрение», «Слух», «Двигательный аппарат», «Мозг». Он открывает папку «МОЗГ» – то есть шевелит руками, будто бы двигает мышкой. Внутри папки – значок мозга, выкрашенный в цвета Google Chrome. Надпись под ярлыком – INTERBRAIN.

Герой запускает его. Открывается браузер. В строчке адреса печатается адрес YOUTUBE. Открывается страница с разными видеозаписями, чьи названия – даты. Герой щелкает первое видео – там оказывается визг тормозов, улица и дорога.

ГЕРОЙ: Не то. Это я уже понял. Что было раньше? Раньше?

Он проматывает плейлист дальше, ища нужный момент. Он его находит – кома. Это четвертое видео сверху, дата – 14.02.16. Он включает видео сначала на самый конец.

Первые кадры видео – чемоданы, собранные и стоящие

у двери. Он оглядывает их – герой на сцене повторяет движение головы, будто камера – это его глаза – переводит взгляд на обувь – в прихожей пусто – и в ванну – там только одна зубная щетка. Неестественная тишина. Слышен звук включенных светильников. На заднем плане кто-то шебуршит вещами.

ГЕРОЙ: Я помню. Ты забрала даже шторы.

Герой проматывает видео на начало.

Начинается видео «Кома». В течение исполнения стиха герой избавляется от проводов.

КОМА

Вернуть к жизни и ввергнуть в кому

Может одна и та же женщина.

Я боюсь заходить во вторую комнату.

Вдруг ты уже собрала вещи?

Господи, милая, черт возьми, что же ты...

Тот ли язык, чтобы ты слышала?

Все наши повести уже прожиты.

С последней страницы, видимо, вышел я.

Стукнулся лбом о витую лестницу,

Замер в шаге от пропасти.

Были б хотя бы силы повеситься,
Но не на чем даже закончить стих.
Выйдешь из дома, не хлопнув дверью,
Вой мой слизнув с онемевших губ.
Милая, если мне Ты не веришь,
Чем я других убедить могу?
В доме, который ты бегло оставила,
Тело, которое ты любила,
Не переменит простые правила.
Все будет так же, милая.
Жди, моя радость, вина и женщин,
Все, что захочешь, жди!
Что на других спать не буду меньше,
Чем на твоей груди;
Что не остынет постель и кофе мне
Будет кому носить...
Жди, что захочешь! Только исполнить
Данное не проси.
Нет, не изменится, нет, не изменится
Тела в квартира быт.
Пусть из тюрьмы и сбежала пленница.
Пленник своей судьбы
Здесь, словно перст, как могила впаян он
В имя твое – душой...

А ты...

Живи так, как считаешь правильным.

Дай тебе Бог

Покой.

Видео гаснет. В предложенных видео появляется другое – с другой датой – 01.11.13. Пока видео не переключилось, герой находит первую папку с фото на стуле. Он достает оттуда фотографию лампочек и понимающей усмехается.

ГЕРОЙ: Кажется, я догадываюсь, что там. Что же, поглядим.

Начинается видео «СВЕТЛОЕ ТАНГО». Герой смотрит, потом читает, потом танцует – на проигрывше, но так, чтобы чуть попадать в танец на экране, но при этом не акцентировать все внимание на себе.

В середине текста он обнаруживает провод, идущий от стула к стене, и разворачивает его, превращая в натянутый. Это его нить воспоминаний – он цепляет первое фото на эту нить.

На видео – сначала вспышки света; потом появление двух танцоров в черных костюмах – брюки и водолазки. На лицах – белые маски. Они танцуют напротив контрового света.

СВЕТЛОЕ ТАНГО

В калейдоскопе твоих женщин
Выделяется лишь одна.
У нее ни клейма на шее,
Ни родословной.
Для тебя она есть не меньше
Чем собственная страна.
И не может ничто теплее
Быть и огромней,
Чем хромое чувство. Метка
Над бровью, как
Незаметный шрам
Под косточкой на запястье.
Ты увидел в ней свет, ко-
торой был как маяк;
Как простое бра,
Рвущее тьму на части.
Этим светом ведомый,
Чувством почти больной,
Ты за нею шел,
Как мыши идут за Гансом.
Покидающий дом,
Рискующий головой,
Ты хотел еще,
Чтоб только не кончить танца.
Но любое танго

Имеет простой конец:
Выбирает леди —
Горизонтальный ли, вертикальный.
Персональный ангел
Устроил тебе пиздец.
Твой маяк не светит.
Судьба корабля печальна.
И вернувшись в берлогу
Мрачную, как нутро,
Ты схватился с силой
И выкрутил к черту чувства.
Любить светлых могут
Лишь те, кто не знал порок.
Обладать светилом —
Отдельный подвид искусства.
С тех времен годами
Ты тушишь на кухне свет
И не держишь в доме
Лампочек. Выживая,
Ты живешь мозгами,
И если о волшебстве
Кто-то ляпнет слово —
Смеешься.
И замолкаешь.

Видео заканчивается. На сцене софитом подсвечиваются

папки на полу. Герой подходит к ним и недоверчиво оглядывает их.

ГЕРОЙ: То есть это что-то вроде игры? Восстанови свой разум? Собери воспоминания по кускам? Дефрагментация диска – так это называется, кажется? Ладно. Ладно. Допустим, я сыграю в эту игру. Все равно мне особенно нечем сейчас заняться.

Герой пропевает детскую считалочку, выбирая одну из папок. Открывает ее и достает фотографию комнатной фиалки. Непонимающе смотрит; но после вспоминает.

ГЕРОЙ: Я помню. Да, я вспомнил тебя. Не твое лицо, правда, но сейчас гораздо важнее, что ты любила комнатные растения. Я их ненавижу. И что у тебя тридцать седьмой размер ноги. Маленькая такая ножка, как у принцессы. Работа у тебя не царская: офис. Много бумаг, мало смысла. Совсем не похоже на детскую мечту. И ты едешь на метро. И ко мне ты приезжала тоже на метро. Ты самое большое потрясение за последние пять лет. Дни менялись, а ты была рядом.

Герой вешает фотографию на провод, а после скидывает руки, закрывает глаза и «открывает» новую вкладку – Instagram. Там нет лиц, только фото с природой, детали, блюда, чашки кофе, переплетенные руки и т. д. Все светлое,

яркое, лучащееся счастьем.

Листание инстаграма останавливается вместе с концом стихотворения на кадре свечей. Кадр раскрывается в полноценное видео.

СЧАСТЬЕ

И ты пахнешь, как божество; от тебя прямо тянет морем.
Мы сидим на краю земли, опустив в океан лодыжки.

У нас есть полкоробки спичек; мы город из них построим
Без намека на арены, ментовки и телевышки.

У нас есть полкоробки красок. Давай горизонт замажем?
Да так, чтоб до нас никак было бы не добраться.

У нас есть пять нот из семи; и этого много даже
Для того, кто вдвоем постигает тайны искусства танца.

У меня есть твоя рука: у тебя есть мое запястье.

У меня есть твои смешки; у тебя есть мои зарубки.

И мне очевидно, как пахнет искомое мною счастье,

И я знаю, что мое счастье по-женски сильно и хрупко.

Ты так пахнешь, что бог слизнул капли моря с твоих лодыжек.

Я ревную тебя к нему, хотя он за тебя в ответе.

И я счастлива только тем, что ты просто со мною дышишь.

В одно время и в одном месте.

На одной планете.

Сцена 3

ГЕРОЙ: *(вдохновенно, светло)* Мы говорим с тобой о культуре, о языках, об искусстве, о всех тех вещах, о которых не говорят случайные люди; о всех тех вещах, для обсуждения которых русскому человеку не обойтись без хотя бы рюмки вина. Мы говорим о них свободно, и чаще всего разговор начинаю я, потому что по детской привычке впитываю и анализирую любую информацию, а дальше пережевываю ее в нечто свое, еще неосознанное и непонятое, но привлекательное, как новая игрушка. Я делюсь с тобой чем-то, что меня поражает – я сохранил эту способность, несмотря на взрослую жизнь, и ты слушаешь меня, а потом...

Герой спотыкается и замолкает, пытаясь вспомнить дальше, но у него не выходит; он бросается к папкам, достаёт новое фото. Это фотография лисы, которая гонит курицу. Герой вспоминает. Тон его меняется.

ГЕРОЙ *(тон меняется на задумчиво-грустно-объективный)*: А потом ты споришь. Не потому что я не прав; ты можешь внутренне согласиться со мной. Но куда сильнее любовью истины или темы наших обсуждений в тебе желание показать нашу разницу, нашу несовместимость. Ты преследуешь эту цель подсознательно, на уровне инстинктов; ты ли-

сица, которая гонит сквозь лес курицу.

(с грустным смешком) Ты обладаешь исключительным даром подменять понятия. Ты жонглируешь собственными словами. Ты лицемеришь в деталях, перенося смыслы с белого на черное, ты пропускаешь слова, ты пропускаешь целые куски текста, путая то, что ты сказала с тем, что есть у тебя в голове. Твоя речь постороннему человеку не кажется лишенной гармонии, но я слышу ее несвязность, слышу твое непреодолимое желание отделиться от меня; противопоставить меня себе.

Я пугаюсь. Я сдаюсь. Я не хочу потерять тебя. Я начинаю скрывать свои мысли. Я перестаю верить себе. Я забываю найденные ответы. Я заменяю их твоими понятиями.

В конце концов все это не имеет значения. Ничего не имеет значения, пока есть ты.

Герой вешает фото на провод. Начинается новое видео, музыка медитативная. Герой садится на сцене в позе лотоса и исполняет «Дзен». На экране – медитативные спокойные образы. В конце текста герой танцует, пока на экране не появляется значок входящего сообщения.

ДЗЕН

Я хочу на неделю уехать в дзен.
Подлечить немного больную ци.

Душа просит водки и перемен
И вступает в новый небесный цикл.

Я хочу на неделю уехать в Шартр.
В лабиринте буду как пилигрим.
А потом наведаюсь на Монмартр,
Оставляя там обретенный нимб.

Пусть его какой-нибудь подберет
Опоздавший всюду. А я хочу
С Tour Eiffel запрыгнуть на самолет,
Окунаясь в микс из чудес и чувств.

Опаду дождем по родной Москве,
Доберусь на преданный нам балкон.
И скажу тебе: добрый вечер! Свет
Погаси. И выбери алкоголь.

Я хочу уехать с тобой в постель.
На неделю. Прочим вот так слабо:
Представляешь, мы, не покинув стен,
Можем быть везде. Можем быть с тобой.

На экране – переписка в ICQ. Следующий текст герой исполняет, словно отвечая на сообщения, которые появляются на экране.

ЛЮБОВЬ К ПСИХОЛОГИИ (переписка)

У меня, говорит, депрессия.
Я обдумала все и взвесила.
Там, на улице, страх и месиво
Под ногами. И я в тоске.
Я молчу и держусь внимательно.
Я послал бы к чертовой матери.
Я бы вышел и встал на паперти,
Если было бы только, с кем.
У нее ведь есть я, но хватит ли
Нас двоих против всех проблем?

У меня, говорит, две личности.
Я-один не люблю публичности.
Я-вторая желаю дичи, но
Стираю животный рык.
Я молчу и готовлю брокколи.
Я хочу, чтоб меня не трогали.
Вот о соли. Ее не много ли?
Я далек от ее игры.
Она ходит вокруг да около.
Все мы мечемся до поры.

У меня, говорит, нет стимула.

Я, наверное, перекинула
Все желания на любимых, но
Куда мне теперь идти?
Я молчу и ищу гостиницу.
Можно в Вену, а можно в Винницу.
Был бы ветер – а лодка двинется.
Каберне Совиньон, прости?
Я готов посетить и Ибицу,
Чтобы ей показать пути.

У меня, говорит, есть мании,
Страхи, паника; расставание —
Это больно. Я буду ранена.
Май? Апрель? Или даже март?
Я молчу. Ни на что не сетую.
Я люблю ее, и поэтому
Просто жду – вот наступит лето, и
Будет музыка и Монмартр...
Может кончиться, как куплеты, и
Медицинский ее азарт.

ГЕРОЙ: Ну о чем ты говоришь? Ты любишь меня, я люблю тебя, почему мы должны расставаться? Эй? Ты тут? Эй?

На экране – «Пользователь вышел из переписки»

ГЕРОЙ: Еще одна твоя суперспособность – находить авторитеты. О, ты могла бы давать мастер-классы по влиянию чужого мнения на собственное я. Твой босс лучше всех разбирается в людях. Глянцевые журналы обладают карт-бланшем на информацию о знаменитостях. Слова врачей не подлежат сомнению. Слова твоей матери – аксиома жизни.

Общество определяет ценности и приоритеты. Ты точно знаешь, как именно мы должны жить. У тебя ведь так много авторитетов; а ты – авторитет для меня.

Ты рассказываешь мне о важности собственной машины и отдельной квартиры. О том, почему людям необходимы дети. Как именно лучше праздновать Новый Год. Где конкретно окажутся люди, которые не имеют официальной работы. Ты могла бы написать докторскую на тему «Почему мои друзья – пропащие люди». Или издать труд «Двести доказательств того, что твоя жизнь недостаточно хороша».

Я все еще ребенок; я реагирую, как глупый звереныш; я поднимаю шкуру и шиплю в ответ на твои слова.

Ты доказываешь, ты путаешься, ты плачешь. Я теряюсь и опускаю острые иглы. Я бросаюсь к тебе. Я чувствую себя виноватым.

Я не замечаю, когда именно перестаю верить себе. Я меняю мечты – задвигаю старые на антресоли, в коробку с надписью «невозможно». Я раскладываю твои мечты на переднем плане, я адаптирую их под себя, полирую их тряпочкой. За это ты гладишь меня по голове. Вот теперь мы действи-

тельно похожи.

Герой достает новую фотографию из папки. Это фото ракеток пинг-понга.

ГЕРОЙ: Я не замечаю, что звонков от курьеров из службы доставки становится больше, чем звонков от моих друзей. Круг моих интересов сужается до первых результатов поиска в гугле по запросу «развлечения». Я нахожу кайф в боулинге, бильярде, пейнтболе, пинг-понге – хотя последний ненавидел с детства. Я начинаю верить, что невозможное... невозможно. И что именно деньги определяют границы этого «невозможно».

На самом деле, я считаю, что веду себя правильно. Ведь люди ведут себя именно так, когда вступают в настоящие отношения. Меняют себя.

Ты начинаешь гулять с подругами по вечерам.

Я слишком поздно понимаю, что я идиот.

Герой небрежно вешает фото на провод.

Сцена 4

Сцену заливает красным светом. На экране – образы клуба, в котором идет вечеринка; потом – подсмотренная сцена измены; наконец – бег.

РЕВНОСТЬ

Мне бы узнать, скольких ты целовала.

Желательно, по алфавиту.

И с адресами.

Не нужно винтовок – от пули эффекта мало.

Я их задушю собственными руками.

А после остаться – беглым безумным взором

Оценивая жестокость своих стремлений.

Сирены ревут. Полиция будет скоро.

Адреналин коктейлем бежит по вене:

сбежать!

затаиться!

скрыться!

Холодный разум

Залит одним-единственным жарким чувством.

Такую ревность, так точно, прицельно, сразу

Вызвать во мне – это почти искусство.

Твори, мой создатель, новые грани лица,
Меня своим словом выверни!..

..Есть проблема:

На месте убийства осталась одна улика.

Имя твое, вырезанное на стенах.

На последних словах герой сдергивает с себя мантию и падает на сцену, где лежит неподвижно. После он, скрючившись, подтягивает к себе одну из новых папок и достает оттуда фото витрувианского человека. И смеется.

ГЕРОЙ: Здесь есть где-нибудь краска? Эй, это же моя голова, значит, я могу сделать краску! Красную, красную, красную краску, чтобы сразу бросалась в глаза, чтобы не оставляла никаких сомнений в том, что я хочу помнить каждую букву. Я хочу сделать надпись над входом в свою голову. Честно говоря, я согласен даже на то, чтобы написать это на собственном лбу.

Никогда! Не позволяй! Никому! Менять! Себя!

О, конечно же, речь не о мелких привычках вроде «бросить курить» или «раньше вставать по утрам». Нет, я говорю о сути человека, о самых потаенных мыслях, об отношении к жизни, о цвете стеклышка в твоём монокле, который ты сам выбрал ещё много лет назад.

Не важно, кто ты – женщина или мужчина, не важно, в кого тебя угораздило влюбиться, не важно, ведущий ты или ведомый – это не имеет ровно никакого значения. Потому что кем бы ни был тот, кого ты пустил в себя, он захочет тебя изменить.

Потому что в детстве у него был любимый персонаж в сказке; или его папа был самым лучшим на земле, а мама самой красивой; или потому что он сто тридцать четыре раза смотрел фильм, где главный герой ради любви меняет имя, работу, цвет глаз и пол.

Потому что твоя любовь задолго до встречи с тобой уже создала образ идеального партнера. И это совсем не ты!

Но влюбился... Влюбился он именно в тебя. А ты не такой. Дилемма. Может, если тебя переделать, ты станешь еще лучше?

Не станешь. Не станешь. Потому что ты – чертова индивидуальность со своим гребанным жизненным опытом, а не плоский персонаж из фантазии. И если ты прилепишь на себя чужую личину, то что в тебе останется от того человека, в которого она влюбилась?

Ничего.

И что она сделает, как ты думаешь? Как ты думаешь?

Уйдет к кому-то еще.

Правильно, черт возьми. Бинго. Садись, два.

Жаль, что я так и не смог раздобыть краску.

Герой поднимается, волооча за собой папку; вешает фото на провод. Из папки выпадает кусок мела.

Сцена 5

Герой находит мел. Он подбирает новую папку и очерчивает мелом круг вокруг себя, прячась в нем от всего мира. Пока он не выйдет за границы разума, пока не войдет в безумие, он останется в этом круге.

В ЭТОМ КРУГЕ ВСЕГО ТРИ УГЛА

В этом круге всего три угла; он мог бы стать треугольником,

Но линии замыкаются, сматываются в кольцо.

Я наблюдаю за миром с высоты своего подоконника.

Мир мне смеется в лицо.

Завтрашний день зайдет в дом в военной форме,

Призовет к ответу за сказанные слова.

Я бы хотел кое-что просто не помнить.

Зачем человеку такая сложная голова?

На рассвете упасть в кровать, закусить подушку.

Хуже всего спится, когда простынь некому взбить.

Я бы желал себе просто порой не слушать

Или не слышать, что пульс предательски сбит.

Начать бы заново; да где его взять – начало?

Там, где раньше лежало оно, его кто-то спер.

Я говорю вслух, что мне тебя слишком мало.

И сам себе подписываю приговор.
Прости мою дурь, изломанная надежда.
Будь на торте этом хотя бы одна свеча,
Я загадал бы к ее коже пришить одежду
В тот самый день, когда от меня отломилась часть.
А теперь – собирай осколки того стакана,
Из которого пил, не зная конца вину!
...Офицер сдал пароли и явки на капитана,
Чтобы навсегда остаться в плену.

Герой медлит и сомневается. Он уже на границе безумия; время шагнуть за нее. После некоторых колебаний герой решает открыть новую папку. Там оказывается фото трех пачек макарон.

Сцена 6

ГЕРОЙ (*безумно*): На самом деле, в одиночестве нет ничего романтического. Все эти подоконники с какао и вздохи в трубку, все эти рассказы про то, что в одиночестве рождаются шедевры... Все это ерунда.

Но и страшного в одиночестве тоже ничего нет. Человек привыкший его и не замечает. Для него стрессом будет, если кто-нибудь залезет в его устоявшийся мир размером с чайничек эгоиста. Знаете, есть такие заварочные чайнички на одну чашку. С маленькой ручкой.

Одиночество, как и страх, как и боль, как и горечь – это всего лишь состояние. Всего лишь реакция со своими признаками и этапами. Одиночество пора доказать научно.

Вот запах, например. Запах у него – как у сожженного кофе. На ощупь – пыль и холодные февральские простыни. По вкусу... Нет у него вкуса, потому что в одиночестве ешь, чтобы насытиться, а не насладиться.

Что еще? Одиночество много весит, потому что его чувствуешь всегда. Оно одновременно обнимает тебя и ложится на плечи, как гигантская змея, погружает в пасть твою голову, и ты смотришь на мир глазами этой змеи. Иногда это даже полезно.

Словом, одиночество – это совсем не страшно. Это... всего лишь состояние.

За две недели я вымыл квартиру девять раз. Оттер даже чертовы шкафчики на балконе. Я перестелил все постельное белье трижды и повесил занавески. Мои перемещения по квартире были подобны крестовому походу. Я заново отвоевывал собственный дом, создавая новую карту своей вселенной.

Когда в доме кончилась еда, я отрыл три пачки макарон в за шкафом. Это была единственная новость за две недели.

Я перестал заряжать телефон. Я поймал себя на том, что могу в полной темноте приготовить себе макароны, залить их кетчупом, съесть и это не вызывает во мне потребности встать и включить свет. Мои соседи, наверное, думали, что жилец квартиры 42 съехал. Или умер.

Я начал говорить с собой вслух о философских вещах. Я думал завести собаку, но зашел в Интернет. Я просидел в Интернете неделю, пытаясь нащупать скользкую нить между собой и внешним миром. Я вставал с рассветом и с закатом. По ночам мне снилось, что я сижу в Сети или ем макароны. Я не всегда мог с уверенностью сказать, сплю я в данный момент или нет.

Герой вешает фото и берет новую папку. Там оказывается фотография Бродского.

ГЕРОЙ: Вы когда-нибудь бывали одиноки настолько, что начинали сомневаться в собственном существовании? О, это как у Бродского... Как же там было...

За спиной героя на экране появляется изображение граммофона, из которого начинает звучать голос поэта.

Когда теряет равновесие
твое сознание усталое,
когда ступеньки этой лестницы
уходят из под ног,
как палуба...

ГЕРОЙ: Все, спасибо! Дальше я сам.

Когда плюёт на человечество
твое ночное одиночество, —
ты можешь
размышлять о вечности
и сомневаться в непорочности
идей, гипотез, восприятия
произведения искусства,
и – кстати – самого зачатия
Мадонной сына Иисуса.

Герой вешает фото Бродского на провод.

ГЕРОЙ: Бродский – это то, что нужно в одиночестве.

Герой закрывает глаза и изображает, что переставляет иглу граммофона, откручивает что-то. «Из граммофона» льется текст Бродского «Мари, шотландцы все-таки скоты... (промотка) Ведя ту жизнь, которую веду, я благодарен бывшим белоснежным листам бумаги, свернутым в дуду». Герой останавливает запись. На экране появляется режиссёр «выбор атмосферы». Герой выбирает камин.

БРОДСКИЙ (чтение на фоне камина, гостиная)

1.

Иосиф, сорок лет спустя скоты
Ничуть не передохли на планете.
Вы знали. Я, не осмелев до «ты»,
Рискну на «Вы» все рассказать в куплете,
Где строки, рифмы, прочие черты
На вас похожи, как на мать дети.

Простите мне желание обладать
Хоть толикой спокойствия такого,
Что Вас спасало. Здесь война опять.

Бессмысленна, кровава и не нова.
Мы научились звезды измерять,
Но думать оказались не готовы.

2.

Здесь Новый год. Среди его витрин
Я забрела почти случайно в книжный.
Писать романы принято по три
Как минимум. По-моему, был лишним
И первый том. Среди старших величин
Литературных ценитесь Вы Выше:

Вот Пушкин, вот тут Лермонтов, и вот
Стоите Вы – в обложке серой тоже.
Все по семьсот, а Вы – по восемьсот.
Как признанный кумир среди молодежи.
Мне удалось закрыть без звука рот,
Но факт был омерзителен до дрожи.

3.

Сейчас желание чем-то обладать
Живет в пути от дома до прилавка.
Не более. На все вопросы – «да»
Звучит по умолчанию. Заявка

Клиента одобряется всегда.
Порою раньше, чем начнется давка

Из тех, кто пожелал. И термин «спрос»
Растет, жирея, вместе с «предложением».
Мы все хотим чего-то на износ.
«Хотелка» наша до осточертения
Замучена уже и пишет SOS.
Движение без радости движения.

4.

А как процессом рулит Интернет!
В нем увязают даже бизнесмены,
Мир делится на «есть wi-fi» и «нет».
Обрезать провод – все равно что вены
Подростку вскрыть. Красивый пируэт,
Но – поза, не решение проблемы.

Наш цифровой бездушный аватар
Живет куда сильнее оригинала.
Любая новость – все равно вода;
Не в силах даже разожечь скандала,
Не то что революции. Пуста
Вселенная на смелых да удалых.

5.

Герои невозможны в той среде,
Где каждый вроде может стать героем.
Здесь потухает всякий, кто зардел.
Комфорт устроен так, что всех устроит.
Мы плаваем в подсоленной воде,
Упрямо называя ее морем.

Я б застрелилась, но еще сложней
С оружием: лицензии, учеты...
Чего там! Даже некого здесь мне
Со всей душой послать красиво к черту;
Мы заперты в бессмысленной войне
С собой, изображающим кого-то.

6.

Какой Вам прок от этого письма
На том-то свете? Верно – никакого.
Я, может быть, и выжила с ума,
Написывая строчки в полвторого
Тому, кого давно объяла тьма,
Но это откровение не ново:

Мы пишем тем, с кем не поговорить,

Тогда, когда не знаем, что нам делать.
Я выбираю стихотворный крик,
Когда душа доходит до предела.
Вы это понимаете. Внутри
Растут слова и просятся на белый.

7.

Ведя ту жизнь, которую веду,
Я благодарна не листам – айпаду.
Не за победу и не за беду
Примите факт; в любое время надо
Поэту то, что сможет тяжесть дум
Хранить и от огня, и звездопада.

Какой бы дальше ни пошел сюжет,
Мой век мне интересен. Хоть порою
Я думаю, что «дальше» дальше нет.
Но мир – опять! – по-хитрому устроен:
Когда «конец» вдруг говорит поэт,
Мир снова разрождается
Героем.

Сцена 7

ГЕРОЙ: А что герои... Что герои? Я что ли, герой? Какой из меня герой? Я в школе стадион три раза обежать не мог. Может, ты герой? Да какой ты герой? Мы с тобой не тянем даже на картонных персонажей из мультиков. Ей-богу, у Тома и Джерри было больше свободы, чем у нас с тобой.

Что мы успели? Ладно, что успел я? Машину купил? Нет. Черт с ней, с машиной. На работу ходил? Ходил. Я помню, как ты радовалась, когда я устроился на эту работу. Я помню, как мы отмечали с тобой мое повышение. Ты радовалась, что теперь я буду получать на один нолик больше. И работать не тридцать часов в неделю, а сорок пять.

Сорок пять часов, милая! Стоил ли нолик сорока пяти часов моей жизни?

Давай посчитаем. Я хочу посчитать.

Герой щелкает пальцами, и на экране запускается интерактивный калькулятор, реагирующий на каждое его слово. На экране крутятся цифры.

ГЕРОЙ: Человек в среднем живет семьдесят лет. Это почти тридцать семь миллионов минут. Много! Много, милая! Дал бы нам эту сумму кто-нибудь наличкой, да?

Но давай считать дальше. Восемь часов в день уходит

на сон. Четыре часа – на поесть и почистить футляр – свое тело. Два часа в среднем трясешься в транспорте. И еще восемь часов – на работу. Которую я ненавидел.

Сколько мне лет? Двадцать пять? Тридцать? Я все еще не помню этого. Но допустим – мне около тридцати. Я прожил больше трети своей жизни. Если я продолжу жить так же, то... Сколько у меня осталось?

На экране появляется финальная цифра – 4 года. Экран гаснет.

ГЕРОЙ: Чуть больше двух миллионов минут. Порядка четырех лет. Четыре года чистого времени из всех моих семидесяти. А ведь могло быть больше. Гораздо больше. И все еще может.

Герой проходит по сцене и словно отряхивается, переключаясь на новую тему. Он поднимает новую папку, достает из нее фото, не показывая его зрителю. Это фото чашки кофе «копи лювак».

ГЕРОЙ: Как я ненавидел эту работу! Ты это знаешь. Я вставал по утрам и чувствовал себя баночкой с желе. Коленки торчали, как кусочки кокосов. А ты готовила мне завтрак и целовала в щеку такого меня – краше в гроб кладут. Я был для себя отвратителен, а для тебя прекрасен.

Мы говорили об отпуске в Тайланде, об ипотеке, о кредите на машину... Мы были такими (*выделяя, с презрением*) нормальными, милая.

А знаешь... У нас не было никакой нужды в машине, на самом деле. В Москве машина только проблемы создает. Бензин, пробки, парковки, запчасти... Метро гораздо удобнее. А летом можно на велосипеде. Подкачать квадратный офисный попец.

А Тайланд? Почему именно Тайланд? Кто-то говорил нам, что в Тайланде обязательно надо побывать. Что там столько специй, морепродуктов, такая красота, такие фрукты, такое море! А... Подруга эта твоя, которая на болонку похоже. Она говорила! Но...

(*тон меняется на ироничный*) У тебя на морепродукты аллергия. Я терпеть не могу перец. Почему мы хотели именно в Тайланд?..

Герой показывает зрителям фото и прикрепляет его к проводу.

ГЕРОЙ: И ведь не только мы так, милая! Не только мы так! Мы с тобой просто зерна Копи Лювак в кофемолке истории! Нас сначала вырастили в тепличных условиях, потом проглотили, переварили, выпустили через задницу, а потом смололи. И теперь нас пьют живьем тугие кошельки, смакуя вкус органического человеческого разложения.

И нет, не прими меня за жертву теории заговора! На самом деле, мне совершенно все равно, правит миром Господь Бог или клан Рокфеллеров. Я вот только понять не могу, милая, почему мы хотели машину и в Тайланд? Нас же никто не заставлял. Никто не стоял у нашей двери с Калашниковым и транспарантом «Без путевки на Пхукет живыми не выйдете». Мы сами, милая, сами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.